
Памяти профессора Алексѣя Петровича Лебедева. Годы обученія его въ духовныхъ училищахъ¹⁾.

Я ученикъ покойнаго Алексѣя Петровича Лебедева, если брать это слово въ обычномъ, скромномъ смыслѣ. Я слушалъ въ 188²/₃ г.—не безъ интереса и вниманія—его лекціи, писалъ на заданную имъ тему семестровое сочиненіе, читалъ его статьи и нѣкоторые изъ его большихъ церковно-историческихъ трудовъ. Я вынесъ изъ академіи высокое представленіе о немъ, какъ профессоръ и ученомъ, которое съ годами крѣпло и развивалось. Если характеръ Алексѣя Петровича не чуждъ нѣкоторыхъ шероховатостей—повышеннымъ самолюбіемъ онъ походилъ на Шопенгауера, котораго напоминалъ и остротой своего полемическаго пера—то, какъ ученый, онъ—первоклассная величина. Нельзя не дивиться его научной энергіи, съ какой онъ въ теченіе многихъ лѣтъ изслѣдовалъ обширныя области церковной исторіи. Можно расхотѣться во взглядѣ на Алексѣя Петровича, какъ человѣка, но нельзя не цѣнить и не уважать его, какъ ученаго. Я никогда не былъ близокъ къ нему, но все же, по выходѣ изъ академіи, поддерживалъ съ нимъ нѣкоторыя сношенія. Мнѣ пришлось быть преподавателемъ въ томъ духовномъ училищѣ, гдѣ онъ обучался въ теченіе почти шести лѣтъ. Когда Алексѣй Петровичъ предпринялъ переизданіе своихъ ученыхъ трудовъ, я обратился къ нему съ просьбой пожертвовать въ бібліотеку не чуждаго для него училища свои ученыя работы. Онъ охотно исполнилъ мою просьбу: далъ то, что было имъ издано вновь. У меня не хватило смѣлости распространить свою

---

1) По даннымъ архивовъ Перевинскаго и Заиконоспасскаго училищъ.

просьбу на всю серію его сочиненій, а онъ, повидимому, не былъ расположенъ обѣщать ихъ по собственной инициативѣ: изъ училища онъ вынесъ мало свѣтлыхъ впечатлѣній. Особенно мнѣ памятна послѣдняя встрѣча съ нимъ—незадолго—недѣли за двѣ—за три—до его кончины. Мнѣ случилось увидеть его въ дачной обстановкѣ. Онъ имѣлъ такой цвѣтушій и элегантный видъ и былъ одѣтъ съ такимъ вкусомъ, что я не могъ не замѣтить ему, какъ онъ хорошо, не смотря на свои годы выгладить. Онъ говорилъ съ жаромъ юноши на разныя, больше образовательно-педагогическія, темы. Какое же было мое удивленіе, когда я вскорѣ же прочиталъ въ газетѣ извѣстіе о его кончинѣ? И вотъ, у меня тогда же явилась мысль почтить его память. Я исполняю въ настоящее время свой замыселъ, выпуская въ свѣтъ описаніе его перво-ученическихъ годовъ. Это для меня наиболѣе доступный способъ выразить ему свое уваженіе. Считаю не лишнимъ также заявить, что мое вниманіе въ эту именно сторону было направлено и однимъ изъ близкихъ къ Алексѣю Петровичу его учениковъ—профессоромъ Н. Н. Глубоковскимъ.

I.

Попытаюсь сначала въ легкихъ штрихахъ описать Перерву и перервинское духовное училище тѣхъ временъ, когда въ ней учился Ал. Петровичъ. Это училище было расположено на высокомъ берегу Москвы рѣки, верстахъ въ десяти отъ города Москвы. Своими корпусами оно сплошь опоясывало Николо-Перервинскій монастырь, составляя съ нимъ одно цѣлое. Это было монастырское училище. Изъ оконъ нѣкоторыхъ монастырскихъ и училищныхъ зданій открывался живописный видъ на извѣстное въ исторіи село Коломенское, городъ Москву и всю обширную равнину рѣки между этими пунктами. Когда-то мѣсто царскихъ охотъ, эта равнина въ дни обученія Ал. Петровича была раздѣлана подъ огороды. Перерва—царство капусты, огурцовъ и картофеля. Ближе къ монастырскимъ и училищнымъ зданіямъ съ сѣверовосточной стороны подходили небольшой лужокъ и небольшая—десятинъ 8—10—сосновая роща, составлявшая украшеніе Перервы. Этой рощей и монастырскимъ садомъ, расположеннымъ съ южной стороны въ глубокой низинѣ, и ограничивалась древесная растительность Перервы, стоявшей,

какъ оазисъ, среди полей, занятыхъ огородами. Параллельно съ рощей и монастыремъ въ южномъ направленіи тянулись крестьянскія слободы. Гигіеническія условія Перервы въ 50-хъ годахъ были несравненно лучше, чѣмъ теперь. Воздухъ ея былъ чистъ и здоровъ. Населенія, а съ нимъ грязи и нечистоты—было много меньше, не было ни дачъ, ни дачниковъ, ни пригородныхъ жителей, отнимающихъ теперь у Перервы послѣдніе свободные уголки, не было такого количества грачей—этого бича Перервы въ настоящее время; не было наконецъ, желѣзной дороги, охватившей теперь своими безконечными рельсами, дымными паровозами и постройками перервинскую слободу почти на всемъ ея протяженіи (около Перервы, къ великому для нея неудобству, разбивается товарная—сортировочная станція). Ближайшія окрестности Перервинскаго монастыря и училища въ 50-хъ годахъ были не лишены простора и живописности. Было гдѣ въ сухую и солнечную погоду погулять и побѣгать перервинскимъ школьникамъ, если на то была воля начальства. Но стоило войти на монастырскій и вмѣстѣ училищный дворъ, какъ картина мѣнялась. Между монастырскимъ храмомъ и окружавшими его плотной стѣнной училищными зданіями оставалось очень небольшое пространство, походившее на узкій, круглой формы, корридоръ. Запирались монастырскія ворота, а это дѣлалось довольно рано,—и обитатели монастыря и училища чувствовали себя отрѣзанными отъ остальнаго міра, запертыми какъ въ крѣпости. Это впечатлѣніе отрѣшенности отъ Божьяго міра, повидимому, часто переживалось и Ал. Петровичемъ въ дни пребыванія на Перервѣ. Впослѣдствіи, описывая Халкинское училище, гдѣ онъ былъ въ 1891 г., Алексѣй Петровичъ говоритъ, что на нашихъ академическихъ студентовъ оно произвело бы впечатлѣніе великой тюрьмы, и сравниваетъ его по складу зданій не съ академіями и семинаріями, а съ провинціальнымъ духовнымъ училищемъ, вродѣ Перервинскаго ¹⁾).

Перервинское училище было всегда очень людно. Его населеніе въ 50-хъ годахъ никогда не было ниже 200 учащихся, а въ нѣкоторые годы оно поднималось до 280. Эта послѣдняя цифра была слишкомъ велика для училищныхъ помѣщеній.

¹⁾ Недѣля въ Константинополь, стр. 45.

Изъ одного донесенія смотрителя училища іеромонаха Діонисія въ Правленіе Моск. дух. семинаріи, вѣдавшее тогда дѣла духовныхъ училищъ моск. епархіи, видно, что въ ученическихъ спальняхъ можно было раздѣльно поставить не больше 270 кроватей. Вслѣдствіе этого ученикамъ, когда число ихъ превышало эту цифру, приходилось спать и по двое на одной кровати или пользоваться кроватями своихъ, почему либо отсутствующихъ товарищей. Ал. Петровичъ несомнѣнно испыталъ неудобство спать вдвоемъ на одной кровати. Начальство старалось такъ обр. размѣщать учениковъ, доводившихся другъ другу братьями. Съ Алексѣемъ же Петровичемъ нѣкоторое время учился въ училищѣ его старшій братъ. Оба они по своей бѣдности и учебныхъ успѣхамъ были несомнѣнными кандидатами на одну общую кровать. Но и 270 учениковъ размѣщались въ училищѣ далеко не просторно. Въ 1859 г. Правленіе Моск. Семинаріи, ссылаясь на тѣсноту помѣщеній, разрѣшило принять въ общежитіе сверхъ 215 казеннокоштныхъ—только 25 пансіонеровъ вмѣсто 40, просимыхъ училищнымъ начальствомъ. Съ тѣснотой помѣщеній гармонировала и бѣдность учащихся. Училищное начальство не находило возможнымъ въ равной мѣрѣ снабжать всѣмъ нужнымъ даже казеннокоштныхъ учениковъ. Нѣкоторымъ оно не додавало то тѣхъ, то другихъ вещей. Къ числу такихъ учениковъ опять таки принадлежалъ и Алексѣй Лебедевъ. Онъ, хотя и былъ на полномъ казенномъ содержаніи, однако не пользовался казеннымъ бѣльемъ, а также бумагой, перьями и чернилами. Лишь въ послѣдніе годы ученія онъ сталъ получать казенныя порціи полностью. Но и то, чего хватало на всѣхъ было не высокаго качества и выдавалось съ строгой экономіей. Такъ нанковые панталоны шились на такой почтенный срокъ, какъ два года. Хотя нанка—ея образцы сохранились въ училищныхъ бумагахъ—походила больше на кожу, чѣмъ

1) Въ училищномъ архивѣ сохранились книги съ росписками учениковъ въ полученіи казенныхъ вещей. Вотъ что получилъ Алексѣй Лебедевъ въ 1855 г: халатъ (русинетовый) и два бумажныхъ платка, новые сапоги, подметки, нанковые панталоны, суконный сюртукъ, еще подметки, шерстяные носки. Тѣ же приблизительно вещи, со включеніемъ иногда картуза, новыхъ головъ и байковой шинели, получалъ Ал. Лебедевъ и въ послѣдующее время. Только въ 1859 г. онъ росписывается въ томъ, что пользовался казеннымъ бѣльемъ, бумагой, перьями и чернилами.

на матерію, все же носить въ теченіе двухъ лѣтъ одни нанковые штаны бурсаки могли не иначе, какъ украшая ихъ многочисленными дырами и заплатами. Сюртуки и шинели передѣлывались для перервинскихъ школьниковъ изъ старыхъ семинарскихъ костюмовъ того же имени и покроя. Только въ 1860 г. начальство училища исходатайствовало у митрополита Филарета сумму въ 760 р. изъ средствъ Перервинскаго монастыря на пошитіе новыхъ суконныхъ теплыхъ пальто на сто учениковъ, за изветшаніемъ байковыхъ шинелей, носившихся въ семинаріи и училищѣ въ общей сложности цѣлыхъ восемь лѣтъ. Алексѣю Петровичу такъ и не суждено было увидать новое суконное пальто, хотя, по своимъ успѣхамъ за послѣдніе два года, онъ имѣлъ всѣ права на такую роскошь. Онъ былъ уже ученикомъ семинаріи, когда училищное начальство стало обновлять ученической гордеробъ. Насколько былъ хорошъ и обилень ученической столъ, можно судить по тому, что на полубурсака отпускалось въ годъ 14 р. 23 к. серебр. Считая учебный годъ того времени въ 9 мѣс. или иначе въ 270 дней и дѣля на это число 14 р. 28 к., мы получимъ 5¹/₄ к.—сумму, ассигнованную на ежедневное довольствіе ученика. Отъ этихъ 5¹/₄ к. слѣдуетъ нѣсколько отнять на такихъ воспитанниковъ, которые не состояли на казнѣ, но и ничего по бѣдности не платили: такъ называемыхъ на языкъ поздняго времени— „экономическихъ“. Пять копѣекъ съ минусомъ на голову и потому времени скудная сумма. Недаромъ училищное начальство, вовсе не отличавшееся избыткомъ нѣжныхъ чувствъ къ бурсакамъ, нашло нужнымъ въ 1858 г. утруждать просьбами высшую власть объ увеличеніи содержанія учащихся. Тѣсно, грязно, холодно, голодно—только такими словами и можно описывать бытъ и положеніе перервинскихъ школяровъ 50 хъ годовъ.

На всю бурсацкую братію, состоявшую изъ 200-хъ душъ слишкомъ, полагалось начальствующихъ, учащихся и надзирающихъ—всего на-всего пять лицъ. Смотритель училища, инспекторъ, учитель старшаго отдѣленія, учитель низшаго отдѣленія и учитель приходскихъ классовъ ¹⁾ вотъ и весь

¹⁾ Съ 1855 г. до 1860 г., пока учился Ал. Петровичъ смотрителями были: очень не долго 1) Соборн. Геро-монахъ Германъ, едѣлавный потомъ архимандритомъ Дмитровск. Борасоглѣбскаго монастыря; 2) Соборн.

педагогическій персоналъ училища. Только къ концу 50-хъ годовъ онъ былъ увеличенъ еще однимъ членомъ: учителемъ V-го приходскаго класса. — Пяти педагоговъ на 200 слишкомъ учащихся было, безспорно, недостаточно, и ученики часто и по долгу должны были оставаться въ своемъ собственномъ обществѣ подъ надзоромъ сеніоровъ, аудиторовъ и другихъ важныхъ персонъ изъ своего же ученическаго сословія. Это позволяло имъ жить своей особой жзнзнью. Бурсацкій міръ того времени представлялъ цѣлое царство, имѣвшее своихъ властей, своихъ патриціевъ и плебеевъ своихъ илотовъ, свои очень строгіе суды и законы. Въ дѣлахъ училищнаго архива, впрочемъ, мало отразилась внутренняя жизнь этого царства. По архивнымъ даннымъ бурса 50-хъ годовъ имѣла вполне приличный видъ, жизнь въ ней текла тихо и мирно. Почти вовсе не встрѣчается указаній на наказаніе розгой, какъ не отмѣчаются и выдающіеся по своей грубости ученическіе проступки. Большинство учащихся аттестовано по поведенію очень хорошей отмѣткой. Исправно составлялась вѣдомость какъ объ особенно благонравныхъ ученикахъ, такъ и о болѣе неисправныхъ. Но изъ этой вѣдомости мы больше узнаемъ объ ученическихъ добродѣтеляхъ, чѣмъ недостаткахъ, которые не шли дальше нерадивости, непослушанія и др. обычныхъ и въ

Герм. Діомисій, въ концѣ 59 г. переведенный на ту же должность въ Заиконоспасск. училище. Онъ же былъ и учител. въ старш. отдѣленіи греческ. яз., З. Б., Св. И. У многихъ учениковъ онъ оставилъ только память, какъ человѣкъ жестокаго обращенія. 3) Соборн. Іер. *Антоній*. *Инспекторами: Николай Доброуризовъ*. 2-й разрядъ М. Д. С., онъ же учит. въ пят., а потомъ и высш.—по лат. яз. Съ 1859 г. *Алексій Важенковъ*, студ. Семина., сначала учит. въ низш. по гр. яз. и помощникъ инспектора. *Учителями:* Въ высш. отдѣл.: *Викторъ Бгльевъ* (до 1857 г.); въ низшемъ отд. *Николай Уразовъ*, помощникъ инспектора и учит. гр. яз. Съ 1857 г. *Ив. Соловьевъ*, студ. семинаріи. Въ приходскомъ училищѣ: *Ів. Цвѣтковъ*, 2-й разр. М. Д. С., занялъ—по уходѣ *Уразова* его мѣсто. Съ 59 г. *Лавръ Орликовъ*, *Николай Шкинскій*. Не могу въ немногихъ словахъ не почтить память Лавра Матвѣевича Орликова. Изъ Перервинск. училища онъ впоследствии перешелъ въ Донское Училище, гдѣ и былъ инспекторомъ втеченіе многихъ лѣтъ. Это мой по *Донск.* училищу—инспекторъ и учитель. Педагогъ рѣдкихъ достоинствъ. Онъ умѣлъ заставить работать весь классъ. Только съ его помощью я еще могъ понимать такую науку, какъ арифметика. Спасибо этому дивному труженнику, увы!—давно уже отошедшему въ вѣчность.

наши дни ученическихъ грѣховъ. Были два или три случая побѣга учениковъ изъ училища. Что собственно побудило ихъ убѣжать, остается неяснымъ. Одинъ изъ бѣжавшихъ по возвращеніи былъ наказанъ, но чѣмъ и какъ опять таки не извѣстно. Другой, нѣкто Ив. Бѣляевъ, ученикъ старшаго отдѣленія, успѣлъ совершить порядочное путешествіе, дошелъ до города Фатежа, Курск. губ., гдѣ былъ задержанъ и доставленъ въ Москву. Этотъ искатель приключеній родился совсѣмъ подъ счастливой звѣздой. Побѣгъ сошелъ для него благополучно. Не возвращаясь въ училище, онъ вскорѣ сталъ держать пріемныя испытанія въ семинарію, куда и былъ потомъ принятъ. Перервинскому училищу пришлось только принять этотъ фактъ къ свѣдѣнію. Бывали и случаи увольненія учениковъ какъ среди года, такъ и въ концѣ, послѣ іюльскихъ испытаній, но почти всегда по великовозрастію, неспособности и малоуспѣшности. Словомъ, по училищнымъ документамъ Перервинская бурса поведеніемъ и правами учащихся, обращеніемъ педагоговъ походила не на бурсу, а скорѣе на благородный пансіонъ. На дѣлѣ было иное. Въ 50-хъ годахъ въ низшихъ духовныхъ школахъ господствовали жестокіе порядки. Педагогъ отъ слова и убѣжденія часто переходилъ къ лозѣ и палкѣ, а ученикъ поддерживалъ свой авторитетъ въ товарищеской средѣ при помощи кулачной расправы. *Vae victis!*—таковъ былъ часто лозунгъ ученическихъ отношеній. И Перервинское училище нисколько не отличалось въ своемъ внутреннемъ быту отъ другихъ училищъ. Оно шло даже по грубости своихъ нравовъ впереди другихъ. Оно и тогда пользовалось недоброй славой. Покойный профессоръ Моск. дух. академіи П. И. Горскій-Платоновъ рассказывалъ мнѣ, про свое дѣтство какъ его родные, огорчаясь его шалостями и неуспѣхами, пугали его Перервой: вотъ погоди, свеземъ тебя на Перерву, тогда и узнаешь, какъ баловать и лѣниться. Недаромъ и Ал. Петровичъ, вспоминая Перерву, называлъ ее „несчастной“¹⁾. И это все понятно. Какъ теперь, такъ и тогда Перервинское училище служило пріютомъ сиротъ и горемычныхъ дѣтей, съ которыми особенно не находили нужнымъ церемониться и которыя сами поэтому не

¹⁾ Памяти покойн. профессора А. П. Лебедева. Н. Глубоковскій 27 стр.

стѣснялись въ отношеніяхъ къ другимъ. И если училищныя дѣла и документы молчатъ о грубости ученическихъ нравовъ и суровости воспитательнаго режима, то это только дѣлаетъ и ту, и другую особенно значительными и выразительными: *о нихъ не говорили, ибо находили ихъ вполне нормальными.*

Училищный курсъ длился шесть лѣтъ. Первые два класса, до 1859 г. находившіеся въ рукахъ одного учителя, составляли особое училище, называвшееся приходскимъ. Это по своей учебной конструкціи была легкая постройка. Она примыкала къ болѣе солидному сооруженію—уѣздному училищу, распадавшемуся на два отдѣленія: низшее и высшее. Курсъ въ каждомъ былъ двухлѣтній. Въ приходское училище поступали, повидимому, совсѣмъ малолѣтніе и плохо грамотныя дѣти. Они обучались здѣсь гражданскому и церковному чтенію, и кромѣ того начаткамъ катихизиса, св. исторіи, русской грамматикѣ, ариѳметикѣ, чистописанію и нотному пѣнію. Слабое знаніе учениками гражданской и церковной печати было причиной раздѣленія въ 1859 г. приходскихъ классовъ между двумя отдѣльными учителями. Это вполне цѣлесообразная мѣра. Одному не подъ силу обучать многимъ предметамъ до 100 дѣтей разомъ. Въ низшемъ отдѣленіи курсъ увеличивался новыми предметами: церковнымъ уставомъ, латинскимъ и греческимъ языками. Катихизисъ изучался уже пространнѣе. Св. Исторія оставалась въ циклѣ наукъ до самаго окончанія училищнаго курса. Это была одна изъ особенностей учебной системы того времени. Другой было ограниченіе занятій русскимъ и славянскимъ языками курсомъ низшаго отдѣленія. За вычетомъ этихъ двухъ предметовъ, въ старшемъ отдѣленіи продолжались изучаться тѣ же дисциплины. Новинкой являлась только географія. Таковъ циклъ наукъ, входившихъ въ составъ училищнаго курса 1850-хъ годовъ. Послѣ катихизиса и Ц. Устава особенное вниманіе отдавалось классическимъ языкамъ. Въ старшемъ отдѣленіи, помимо упражненій въ письменныхъ переводахъ съ древнихъ языковъ на русскій и обратно и изученія этимологіи и синтаксиса обоихъ языковъ,—ученики много занимались чтеніемъ латинскаго и греч. текста. Въ теченіе 1857 г. съ лат. языка изъ особаго сборника были переведены слѣдующія статьи:

Ecclesiastici lib. XLIV, Sacra colloquia III, IV; Narratiuncula, placita, facetiae съ XX—XXXI, LIII—LXVIII; Epistolae—Plinii Trojano,—Trojani Plinia; orationes: Adherbalis ad Senatum Romanum и Germanici Caesaris. Съ греческаго отрывки изъ сочиненій I. Златоуста: Отъ зримыхъ вещей доказательство Божественнаго Промысла; отъ состава человѣческаго тѣла доказательство Божественной Премудрости. Повидимому, ученики достаточно успѣвали въ изученіи классическихъ языковъ. Изъ семинарскаго правленія ни разу за 1855—60 г.г. не раздавалось жалобъ и претензій на плохую подготовку училищныхъ абитуриентовъ по древнимъ языкамъ. Хуже были успѣхи учащихся по Ц. Уставу, славянск. языку, русской грамматикѣ и орѳографіи. О дефектахъ въ областяхъ этихъ предметовъ не разъ говорятъ отзывы семинарскихъ ревизоровъ. Съ цѣлью улучшить дѣло училищное начальство въ 1859 г. проэктировало ввести въ старшемъ отдѣленіи за счетъ латинскаго языка одинъ урокъ по русскому языку. Правленіе семинаріи однако указало свой особый планъ. Въ 1860 г. училищное начальство въ лицѣ смотрителя іеромонаха Антонія снова, въ виду продолжающагося недовольства семинарск. правленія познаніями перервинск. воспитанниковъ въ русскомъ языкѣ, предлагаетъ ввести особый урокъ по этому предмету въ старшемъ отдѣленіи. Это было очень рациональное предложеніе. О. Антоній высказываетъ и свои соображенія о постановкѣ преподаванія русск. языка. Онъ былъ умнымъ и опытнымъ педагогомъ. Онъ предлагаетъ въ основу преподаванія русск. языка положить тщательное изученіе избранныхъ, доступныхъ пониманію учениковъ, мѣстъ изъ образцовыхъ писателей, а къ нему еще присоединить и упражненія въ составленіи небольшихъ сочиненій, сначала въ формѣ пересказа статей повѣствовательнаго содержанія, а затѣмъ въ формѣ описанія предметовъ, доступныхъ глазу учениковъ. Онъ же предлагаетъ сверхъ того положить начало дѣтской библіотеки, въ виду развивающагося вліянія на учениковъ чтенія книгъ. На этотъ важный и забытый предметъ онъ испрашиваетъ 20 р. изъ такъ называемой—штатной училищной суммы. Значитъ до 1860 г. ученики не приучались къ письменному изложенію своихъ мыслей и не читали, кромѣ учебниковъ, никакихъ книгъ. Ихъ умственная пища состояла изъ столь же сухихъ

и неудобоваримыхъ яствъ, какъ и тѣ, которыя ежедневно готовились для нихъ на училищной кухнѣ. Отъ этого и умственное ихъ развитіе не могло идти бойко. Учебный день едва ли былъ длиненъ. Онъ состоялъ изъ трехъ уроковъ, изъ коихъ одинъ приходился на послѣ обѣденное время. Дважды въ годъ—незадолго до Рождества и въ мартѣ мѣсяцѣ—происходили внутреннія испытанія учениковъ, производимыя наличнымъ составомъ наставниковъ, а въ іюлѣ бывали публичныя, съ участіемъ ревизоровъ изъ семинарскихъ наставниковъ. Къ публичнымъ испытаніямъ, повидимому, представлялись избранные отдѣлы изъ курсовъ, пройденныхъ въ году, и окончательная оцѣнка ученическихъ познаній производилась на основаніи ихъ успѣховъ, оказанныхъ ими какъ на публичныхъ, такъ и внутреннихъ испытаніяхъ. Семинарскіе ревизоры принимали во вниманіе и результаты этихъ послѣднихъ. Успѣхи перервинскихъ бурсаковъ едва-ли могли быть особенно высоки. Учителямъ приходилось имѣть дѣло съ классами, состоявшими изъ 80 и болѣе учениковъ. Это многочисленство не могло не оказывать вреднаго вліянія на успѣшность обученія. Помянемъ добрымъ словомъ перервинскихъ педагоговъ 1850 годовъ, за ничтожную плату исполнявшихъ трудъ огромной величины, и перейдемъ къ исторіи ученическихъ лѣтъ ихъ славнаго питомца Алексѣя Петровича Лебедева.

II.

Алексѣй Лебедевъ—такъ будемъ теперь именовать нашего профессора и историка,—сынъ священника села Шматова, серпуховск. уѣзда Петра Мееодіевича Лебедева, учился въ Перервенскомъ духовномъ училищѣ почти 6 лѣтъ съ 1855—до 1860 г. Онъ поступилъ сюда прямо въ низшее отдѣленіе,

---

До 1859 г. педагогическій персоналъ Перервинск. училища получалъ слѣдующее содержаніе: смотритель 28 р. 60 к. въ мѣсяцъ, инспекторъ 19 р. 6 к., учитель низшаго отдѣленія 12 р. 51 к., учитель 2-го приходскаго класса 8 р. 94 к., учитель 1-го приходск. класса 7 р. 15 к. Въ концѣ 1859 г. эти оклады, болѣе чѣмъ скромные, были увеличены въ такой мѣрѣ, что смотрительское жалованье стало равняться 57 р. 20 к., инспектора 47 р. 70 к., учителей отъ 22 р. до 30. Скудость содержанія остается удѣломъ духовныхъ педагоговъ и въ настоящіе, безумно дорогие дни.

минуя приходское училище. Спрашивается, гдѣ онъ проходил курсы приходскихъ классовъ и почему онъ такъ долго задержался въ двухъ отдѣленіяхъ уѣзднаго училища? На первый вопросъ приходится отвѣчать цѣлой исторіей. Алексѣю Лебедеву было—десять лѣтъ, когда онъ вступилъ въ ряды перервенскихъ бурсаковъ. Десять лѣтъ —небольшіе годы, но въ этомъ возрастѣ А. Лебедевъ былъ уже мальчикомъ, выдавшимъ виды, хорошо знакомымъ съ тѣмъ, что такое бурса. Это былъ своего рода скиталецъ, хотя и не по своей винѣ. До Перервы онъ успѣлъ побывать въ двухъ училищахъ. Онъ началъ свою ученическую карьеру въ 1852 г. въ коломенскомъ дух. училищѣ, гдѣ съ 51 г. уже обучался его старшій братъ Павелъ. 7^{1/2} лѣтъ сдѣлался Алексѣй Лебедевъ школьникомъ. Повидимому, среди духовенства было принято такъ рано отдавать своихъ дѣтей въ школу. Дома заниматься съ ними было некогда да и некому. Послѣднее особенно надо предполагать относительно Алексѣя Лебедева. Его отецъ, рано лишившійся свящ. мѣста—въ 45 л. онъ значится въ бумагахъ Перервинск. учил., какъ мѣщанинъ—едва ли былъ способенъ къ роли домашнего учителя. Мы не умѣемъ объяснить, почему онъ, священникъ с. Шматова, серпух. уѣзда отдавалъ своихъ дѣтей въ Коломенское училище, входившее, повидимому, въ составъ совсѣмъ другого округа. Хотя Алексѣй Лебедевъ учился въ Коломенскомъ училищѣ вмѣстѣ съ братомъ, тѣмъ не менѣе положеніе его, ребенка 7 лѣтъ, въ дикой своими нравами бурсѣ должно быть очень тяжело ¹⁾. Род-

¹⁾ Можно, впрочемъ, думать, что Ал. Лебедевъ, поступивъ въ Колом. училищѣ, долгое время проживалъ дома. Хотя онъ числится принятымъ въ училище въ 1852 г., но только въ 1853 г. въ вѣдомостяхъ объ успѣхахъ, поведеніи учениковъ появляются и его имя и фамилія. Въ разряд. списокъ, составл. послѣ лѣтнихъ экзаменовъ (1853 г.), объ Ал. Лебедевѣ помѣчено карандашомъ: домашн. Наконецъ, въ 2-й половинѣ 1853 г. онъ значится въ вѣдомости объ ученикахъ, обучающихся въ домахъ родителей.

За 1-й приходск. классъ вѣдомость объ ученич. успѣхахъ отмѣчаетъ лишь одни способности Ал. Лебедева, какъ довольно хорошія. Во 2-й классъ А. Лебедевъ переходитъ во 2-мъ разрядѣ 21 изъ 30 учащихся. имѣя по катихизису, русск. яз. и арием. второразрядные баллы. Эти свѣдѣнія, извлеченныя по просьбѣ нашей изъ Архива Колом. училища преподават. послѣдняго А. И. Снегиревымъ, получены нами, къ сожалѣнію

ныхъ онъ могъ видѣть очень рѣдко. Много силъ и энергій онъ долженъ былъ тратить на приспособленіе къ окружающей обстановкѣ, совсѣмъ не рассчитанной на нѣжную дѣтскую натуру. Мало могла привлекать его бурсацкая наука, сухая и врядъ ли интересно излагаемая. Неудивительно, что его учебные успѣхи были не особенно блестящи. Онъ все-таки перешелъ во 2-й приходскій классъ, безъ задержки и здѣсь нагналъ своего брата Павла, повидимому, совсѣмъ безталаннаго или по крайней мѣрѣ совсѣмъ индифферентнаго къ учебному дѣлу мальчика. Дальше 2-го класса и тотъ и другой въ Коломнѣ не пошли. Въ 1854 г. они оба переводятся во 2-й же приходскій классъ Законоспаскаго училища. Чѣмъ былъ вызванъ этотъ переводъ? Едва ли это была репрессія со стороны училищнаго начальства относительно слабыхъ познаніями братьевъ Лебедевыхъ, ибо перейти изъ Коломенскаго въ Законоспасское училище—значило то же, что смѣнить худшее на лучшее. По всей вѣроятности на переселеніе Лебедевыхъ въ Москву вліяли тѣ колебанія и метаморфозы, какимъ была подвержена жизнь ихъ отца. Онъ содержалъ своихъ дѣтей въ Коломнѣ на свои средства, которыя, когда онъ лишился мѣста, должны были особенно скудны. Не рассчитывалъ ли онъ пристроить своихъ сыновей въ Москвѣ на казенное содержаніе, о чемъ онъ потомъ и ходатайствовалъ? Не хотѣлось ли также матери видѣть дѣтей нѣсколько ближе къ себѣ? Какъ бы то ни было, въ началѣ 1854 г. Алексѣй Лебедевъ съ братомъ становятся учениками столичнаго, образцоваго, по тому времени, училища. Коломенское училищное начальство представило въ Законоспасское Правленіе одинаковую аттестацію (ея дата—1854, II) того и другого Лебедева: оба—очень хорошаго поведенія, нехудыхъ успѣховъ, на своемъ содержаніи. Алексѣй Лебедевъ перенесъ переходъ въ другое училище довольно благополучно. Онъ учился въ Законоспасскомъ училищѣ не хуже, чѣмъ въ Коломенскомъ, хотя все же очень скромно. Тѣмъ не менѣе онъ перешелъ въ низшее отдѣленіе 60-мъ, имѣя ниже себя 14 учениковъ, удостоен-

---

слишкомъ поздно и посему не могли быть надлежаще использованы, при составленіи основнаго текста. Считаю долгомъ поблагодарить А. И. Снегирева за его содѣйствіе и труды. С. Ш.

ныхъ, какъ и онъ, перевода, да 27—оставленныхъ въ томъ же приходскомъ классѣ. Его поведеніе и успѣхи по чистописанію были отмѣчены перворазрядными баллами, а по остальнымъ предметамъ второразрядными. Судьба его спутника-брата Павла была иная. Онъ не явился по болѣзни къ переводнымъ испытаніямъ и былъ оставленъ на повторительный курсъ. Низшее отдѣленіе Алексѣй Лебедевъ—проходитъ съ тѣмъ же скромнымъ успѣхомъ, какъ и приходскіе классы. Въ теченіе почти всего 185⁴/₅ учебнаго года въ ученическихъ спискахъ противъ его имени значится такая аттестація: нехудыхъ способностей, усильнаго прилежанія, плохихъ успѣховъ, очень хорошаго поведенія. Несмотря на эту очень сдержанную аттестацію Алексѣй Лебедевъ въ разрядныхъ спискахъ постепенно повышается. Такъ въ сентябрьской вѣдомости о поведеніи и успѣхахъ учениковъ онъ помѣченъ подъ № 53 изъ 83 учащихся, въ генварской 52-мъ, а по истеченіи генварской трети 46-мъ. Въ мартѣ 1855 г. Алексѣю Лебедеву пришлось еще разъ перемѣнить мѣсто обученія. Очевидно, его отцу совсѣмъ было не по силамъ содержать на свои средства двухъ дѣтей въ училищномъ пансіонѣ, и онъ подалъ въ Правленіе Моск. Дух. Семинаріи просьбу о принятіи, повидимому, одного изъ нихъ на казенное содержаніе. Правленіе исполнило эту просьбу и постановило перевести Алексѣя Лебедева на казенное содержаніе въ Перервинское училище—это хладное прибѣжище сиротства и бѣдности. Такъ совершился послѣдній переходъ юнаго скитальца. Какъ ни мрачно и сурово смотрѣли перервинскія училищныя зданія на вновь поступающихъ бурсаковъ, они едва ли могли произвести особенное впечатлѣніе на десятилѣтняго Алексѣя Лебедева. Тотъ, кто въ 7 лѣтъ побывалъ въ Коломенской, а 9 л. въ Заиконоспасской бурсѣ, едва ли чему могъ удивиться, попавъ 10 л. на Перерву. Эта послѣдняя надолго захватила въ свои тяжелыя объятія юнаго Алексѣя Лебедева. Онъ вышелъ отсюда не раньше 1860 г. Несмотря на свои странствованія по училищамъ, онъ принадлежитъ перервинскому училищу по преимуществу. Недаромъ о немъ одномъ говоритъ онъ, вспоминая свои ученическіе годы. Каковы же были его судьбы въ этомъ пріютѣ наукъ и бѣдныхъ бурсаковъ? Скудныя свѣдѣнія сохранила Перерва о своемъ, столь потомъ

славномъ, ученикъ. Долгое время его успѣхи держатся на той же небольшой высотѣ, какъ и въ Заиконоспасскомъ училищѣ, но и здѣсь, какъ и тамъ онъ обнаруживаетъ тенденцію къ повышенію. Вотъ какъ онъ аттестуется за первый 185⁵/₆ учебн. годъ въ перервинскомъ училищѣ: поведенія весьма скромнаго, весьма хорошаго, скромнаго, тихаго, благонаправнаго, *способностей* (вѣдомость по греческому языку и и соединеннымъ предметамъ) весьма небольшихъ, не совсѣмъ худыхъ, небольшихъ, довольно посредственныхъ, (вѣдомость по лат. яз. и соединеннымъ предметамъ) — слабыхъ, не худыхъ; *прилежанія* (вѣдом. по греч. яз.) довольно посредственнаго, усерднаго, довольно усерднаго, сильнаго, малаго, (вѣд. по лат. языку) — недостаточнаго, малаго, сильного, непостояннаго; — *успѣховъ*: (вѣд. по греч. яз.) небольшихъ, довольно порядочныхъ; не совсѣмъ плохихъ, довольно посредственныхъ, малыхъ, (вѣд. по лат. яз.) — довольно не худыхъ, малыхъ, не худыхъ, средственныхъ. Сравнительно съ аттестацией Заиконоспасск. училища болѣе рельефно очерчено поведеніе Алексѣя Лебедева, все время остающееся болѣе, чѣмъ очень хорошимъ, и если его успѣхи и на Перервѣ оставляютъ желать многого, то все же видно, что онъ работаетъ. Такъ его прилежаніе называется то малымъ, а то и сильнымъ, иногда же усерднымъ, довольно усерднымъ. Больше старанія онъ обнаруживаетъ, повидимому, въ изученіи греческаго языка, катихизиса, св. исторіи и нотнаго пѣнія. Не смотря на невысокіе успѣхи въ теченіе года Ал. Лебедевъ благополучно переходитъ въ 1856 г. въ высшее отдѣленіе училища и даже съ повышеніемъ въ разрядномъ спискѣ. Такъ, пока онъ ученикъ низшаго отдѣленія, мы встрѣчаемъ его подъ №№ 65, 67, 58, а въ высшее онъ переводится 55-мъ. Здѣсь въ этомъ отдѣленіи — онъ оставался цѣлыхъ четыре года, на два года больше, чѣмъ слѣдовало, и почти столько, сколько онъ употребилъ времени на ранѣйшее обученіе во всѣхъ имъ посѣщенныхъ училищахъ. Но это замедленіе произошло не отъ задержки въ развитіи, а по другимъ причинамъ. И въ высшемъ отдѣленіи Алексѣй Лебедевъ все время продолжалъ переживать процессъ аккумуляціи умственной энергіи, которая достигла къ концу училищнаго курса значительной высоты. Сначала его способности, прилежаніе и успѣхи оцѣниваются его наставни-

ками все въ тѣхъ же, знакомыхъ намъ и такъ грустно звучащихъ,—словахъ; плохія, сильное, малые,—но затѣмъ тоя и содержаніе аттестаціи повышается. На такъ называемыхъ внутреннихъ испытаніяхъ въ концѣ 185^{6/7} уч. года Алексѣй Лебедевъ получаетъ перворазрядные баллы по Каѳеизису, Св. Исторіи, нотному пѣнію, второразрядные по гр. и лат. языкамъ и третьеразрядные по ариметикѣ и географіи и занимаетъ въ разрядномъ списокѣ 48 мѣсто, имѣя ниже себя 15-ть коллегъ. Такъ въ 1-й годъ ученія въ высшемъ отдѣленіи Ал. Лебедевъ повышается въ ученическомъ списокѣ на 8 челов.—съ 55 на 48. Въ перечневой вѣдомости—учениковъ за 185^{6/7} учебн. годъ о немъ данъ такой отзывъ: благонаправнаго поведенія, весьма усерднаго прилежанія, очень не худыхъ способностей. Довольно благопріятно проходитъ и 2-й годъ ученія въ старшемъ отдѣленіи. Способности Алексѣя Лебедева признаются все время порядочными, прилежаніе достаточнымъ, успѣхи порядочными, а въ перечневой вѣдомости за 185^{7/8} г.—и то, и другое, и третье—оттестуются еще сильнѣе: очень ревностнаго прилежанія, довольно хорошихъ способностей и успѣховъ. Выпускные экзамены Алексѣй Лебедевъ сдаетъ вполне исправно и назначается училищнымъ начальствомъ къ переводу въ низшее отдѣленіе семинаріи. За 2-й годъ ученія въ старшемъ отдѣленіи Ал. Лебедевъ повышается еще на 8 человѣкъ. Въ разрядномъ списокѣ учениковъ, составленномъ послѣ выпускныхъ, публичныхъ испытаній, онъ занимаетъ 40-е мѣсто. Мѣсто это все же очень не высоко. Ниже Ал. Лебедева всего одинъ ученикъ, безъ всякихъ оговорокъ удостоиваемый перевода въ семинарію; далѣе слѣдуютъ имена пяти учениковъ, переводимыхъ въ семинарію условно, если тамъ окажутся свободныя вакансіи. Не смотря на постоянное повышение въ разрядныхъ спискахъ, Алексѣй Лебедевъ все еще обитатель ученическихъ низовъ, и это было отчасти причиной, что онъ не былъ принятъ въ семинарію. Не только для тѣхъ пяти, которыхъ училищное начальство одобрило къ переводу въ семинарію условно, но и для Алексѣя Лебедева, свободнаго отъ ограниченій и оговорокъ, и двухъ ближайшихъ въ списокѣ его сосѣдей справа и слѣва не оказалось свободныхъ вакансій въ семинаріи, и имъ было предложено Правленіемъ семинаріи остаться на повторительный курсъ

въ училищѣ или, если желаютъ, уволиться въ епархіальное вѣдомство. Алексѣй Лебедевъ избралъ первое и не напрасно.

Въ то время какъ онъ медленно пробивалъ себѣ дорогу къ лучшему будущему, его печальный спутникъ-братъ Павелъ окончательно сошелъ съ учебнаго поприща. Онъ тоже не миновалъ Перервы: былъ переведенъ сюда спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Алексѣя Лебедева и все время оставался здѣсь на своемъ содержаніи. Онъ не пошелъ дальше низшаго отдѣленія.—Въ 1857 г. онъ увольняется изъ училища по прошенію его отца, судьба котораго была тоже очень печальна. Онъ называетъ себя въ прошеніи запрещеннымъ священникомъ, бывшимъ причетникомъ С. Тарычева, Подольскаго уѣзда, и проситъ объ увольненіи сына Павла за его болѣзнь и по недостатку средствъ къ его содержанію. При прошеніи имѣется и подпись самого Павла Лебедева, заявляющаго о своемъ согласіи на увольненіе. Подпись не только безграмотна, но и написана каракулями. Даже простое письмо и то не далось бѣдному Павлу Лебедеву. Такими прискорбными событіями осложнялся и безъ того не легкій ученическій путь будущаго знаменитаго историка.

Оставленіе на вторичный курсъ въ старшемъ отдѣленіи училища отозвалось благопріятно на успѣхахъ Алексѣя Лебедева. Оба года онъ учится не просто хорошо, а прямо блистательно. Уже въ первую треть 1858 г. онъ быстро выдвигается впередъ. Въ вѣдомости о поведеніи и успѣхахъ учениковъ за сентябрь и октябрь 1858 г. онъ занимаетъ 5-е мѣсто. Его поведеніе по прежнему признается отлично хорошимъ, прилежаніе же называется весьма ревностнымъ, способности и успѣхи весьма хорошими. Таковую аттестацію онъ удерживаетъ вплоть до окончанія курса, неизмѣнно повышаясь въ разрядныхъ спискахъ. Послѣдовательно онъ занимаетъ 4-е, 3-е мѣста и, по окончаніи перваго учебнаго года, числится уже 2-мъ ученикомъ. За свои успѣхи онъ удостоивается денежной награды въ размѣрѣ одного рубля изъ % съ капитала, пожертвованнаго на этотъ предметъ московскимъ протоіер. Орловымъ. Этотъ капиталъ существуетъ и въ настоящее время и все съ тѣмъ же назначеніемъ поощрять ученическіе таланты и труды. Сверхъ де-

нежной награды Алексѣй Лебедевъ получаетъ другое отличие: онъ заносится въ списокъ не многихъ учениковъ, оказавшихъ отмѣнно хорошее поведеніе. Онъ аттестуется здѣсь въ такихъ выраженіяхъ: „Отлично скромнень, въ отношеніи къ наставникамъ весьма почитателенъ, съ товарищами преимущественно, предъ прочими отличается благородствомъ обращенія“. Такимъ образомъ онъ достигаетъ всѣхъ почестей, о какихъ только могъ мечтать ученикъ перервинскаго училища. Во второй годъ ученія Алексѣй Лебедевъ остается вѣрнень своей тенденціи—недовольствоваться тѣмъ, что достигнуто, и идти впередъ. Въ началѣ 1859—60 учебн. года мы видимъ его въ разрядныхъ спискахъ на второмъ мѣстѣ, но въ послѣднюю треть онъ добивается перваго мѣста и оканчиваетъ училище первымъ ученикомъ. Въ аттестатѣ его успѣхи по всѣмъ предметамъ училищнаго курса оцѣнены одной отмѣткой: весьма хорошо. Относительно его возраста въ этомъ документѣ допущена любопытная ошибка. Онъ значится 18-ти лѣтъ отъ роду. Училищное начальство такъ долго видѣло Алексѣя Лебедева въ стѣнахъ училища,—что не могло удержаться отъ искушенія прибавить ему нѣсколько лишнихъ лѣтъ. Быть можетъ онъ былъ росль и смотрѣлъ вполнѣ сложившимся юношей. Только онъ распростился съ училищемъ на 16-мъ году своей жизни.

Такова ученическая карьера Алексѣя Петровича. Мы, кажется, не скрыли ничего изъ того, что сохранилось о немъ въ училищныхъ архивахъ. И все же онъ въ свой школьный періодъ остается мало извѣстной величиной. Мы мало знаемъ, какую комбинацію мыслей, чувствъ и волевыхъ движеній представлялъ его душевный строй. Нѣтъ почти ни одного факта изъ его ученической жизни, который показывалъ бы, чѣмъ его сильное прилежаніе, малыя способности одного школьнаго періода и весьма ревностное прилежаніе, отличныя способности въ другой періодъ ученія—отличались отъ столь же аттестованныхъ прилежанія и способностей многихъ его товарищей. Его индивидуальность въ годы обученія открыта намъ слишкомъ недостаточно. Только разъ его наставники допускаютъ болѣе конкретныя выраженія въ своемъ отзывѣ о немъ—это тогда, когда отмѣчаютъ его благородство въ обращеніи. Но и эта черта его личности не иллюстрируется фактами, которые позволили бы намъ ви-

дѣтъ, какъ далеко былъ развитъ въ немъ благородный образъ дѣйствій и въ какихъ формахъ онъ проявлялся. И тѣмъ не менѣе и въ томъ сухомъ видѣ, какой имѣетъ въ нашемъ изложеніи исторія ученическаго развитія Алексѣя Петровича, она не лишена интереса и поучительности. Не ярки и общіе отзывы училищныхъ вѣдомостей объ успѣхахъ и способностяхъ Алексѣя Лебедева, но все же, выстраивая ихъ въ длинный хронологическій рядъ, мы чувствуемъ подъ ними постоянную работу и нарастаніе душевной энергіи, медленное, но не прекращающееся умственное развитіе. Какъ ни велико пространство, отдѣляющее ученика перервинскаго училища Алексѣя Лебедева отъ профессора Ал. Петровича Лебедева, и тотъ и другой одна личность: ихъ соединяетъ глубоко сродная тому и другому черта: стремленіе впередъ. Какъ ученикъ Ал. Лебедевъ, проходя свой школьный путь, постепенно, но непрестанно опережаетъ своихъ коллегъ, пока не занимаетъ перваго мѣста въ первомъ ряду, такъ и проф. Лебедевъ, взявшись за ученое перо, работаетъ имъ всю жизнь, все расширяя поле своихъ изслѣдованій, и сходить съ земного поприща, далеко не исчерпавъ своихъ умственныхъ силъ, какъ падаетъ могучій дубъ, сраженный внезапно разразившейся бурей. Не въ суровый ли школьный періодъ, столь богатый всякаго рода невзгодами и лишеніями, которыя можно было препобѣждать, только опираясь на свои силы, стали развиваться та выносливость и стойкость, какія обнаруживалъ потомъ Алексѣй Петровичъ, вынужденный работать перомъ, постоянно отбиваясь, отъ разнаго рода враговъ. Не на счетъ ли вліяній Коломны и Перервы надо въ извѣстной мѣрѣ отнести и тѣ раздраженіе и ожесточеніе, съ какими онъ излишне долго преслѣдовалъ иныхъ своихъ литературныхъ противниковъ. Онъ умѣлъ цѣнить себя и свои силы, и это, особенно понятно въ немъ, еще съ малыхъ лѣтъ предоставленномъ себѣ и своимъ силамъ.

Интересная для психолога, личность Ал. Петровича, какъ ученика Перервинскаго духовнаго училища, поучительна и для педагога. Какъ ни мрачно выглядѣла та школа, гдѣ учился Ал. Петровичъ, она имѣла одно большое достоинство: она не спѣшила со своими окончательными приговорами на счетъ слабыхъ учениковъ и относилась къ нимъ

терпѣливо. И за это терпѣніе она не осталась безъ награды: она сохранила для русскаго общества и науки выссоцѣнныя таланты, сначала долго остававшіеся совсѣмъ незамѣтными. Яркимъ образцомъ такихъ талантливыхъ натуръ является Алексѣй Петровичъ. Родись онъ и поступи въ болѣе позднюю эпоху, судьба его—кто знаетъ—была бы иная. Можно очень сомнѣваться, кончилъ ли онъ такъ благополучно свой первоначальный школьный путь, если бы проходилъ его въ настоящее время, когда ученики духовныхъ училищъ, даже Перервинскаго, носятъ костюмы, шитые изъ свѣжаго сукна, и содержатся не на пятакъ въ день, а не сумму во много разъ большую. Должно сознаться, что на педагогическихъ собраніяхъ духовныхъ училищъ нашихъ дней нерѣдко слишкомъ скоро рѣшается судьба маленькихъ школьниковъ, имѣвшихъ несчастье получить въ наслѣдство тугія способности и дурныя предрасположенія. Ихъ объявляютъ безнадежными и выпроваживаютъ за школьную дверь, иногда отнявъ всякую возможность продолжать обученіе. Личность Ал. Петровича Лебедева, долго слабого ученика Коломенской и Перервинской бурсъ, ставшаго потомъ красой духовной школы и духовной науки, есть живое осужденіе такихъ скороспѣлыхъ рѣшеній современной училищной педагогики. И тѣмъ болѣе велико значеніе для педагога его личности, что онъ со своимъ медленнымъ развитіемъ не является уникамъ. Покойный проф. Моск. Дух. Академіи П. И. Горскій-Платоновъ, старшій сослуживецъ Ал. Петровича, рассказывалъ про себя, что былъ моментъ въ его жизни, когда его дядя, извѣстный профессоръ Петръ Симоновичъ Казанскій, отчаявшись въ его способностяхъ къ ученію, рѣшилъ было отдать его въ сапожники. Спасла его мать, оказавшаяся болѣе чуткой, чѣмъ ученый профессоръ. Если не ошибаемся, нѣчто въ родъ этого грозило и другому ученому мужу, красѣ нашей исторической науки, здравствующему и нынѣ В. О. Ключевскому. Да будутъ же эти блестящія имена живы въ памяти духовныхъ педагоговъ и да охраняютъ они ихъ отъ искушеній скоро отдѣлываться отъ тѣхъ изъ своихъ питомцевъ, которые туго воспринимаютъ ихъ педагогическія внушенія.

С. Шумовъ.